

А маму он успокоил: «Школьный учебник, как каток, проходит по мозгу. Прочтешь – и ничего, кроме одной фразы, в голове не остается». Так он считал, и поэтому писал не только академические работы, но и пособия для учителей и популярные книги, которые с интересом читают люди разных возрастов и специальностей. Вообще, если наша мама делала мне и брату замечания в его присутствии, он, защищая нас, шутливо цитировал «Недоросля» Фонвизина: «Я прощу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтра». И дальше, повышая голос: «Не будь я Тарас Скотинин!»

В еще один приезд дяди Юры я мучилась над заданием по черчению. Тогда он взял из моих рук рейсфедер и объяснил мне, как надо с ним работать. Оказывается, и это он умел! Делал он все быстро и весело, с большой сноровкой. Умел приготовить обед, починить лампу, разложить на даче плиту на кирпичах. Знаю, а один раз и видела (был случай, что потек кран и на полу была лужа), как он виртуозно мыл пол. Этому он научился в армии.

На лекциях Лотмана в Ленинграде приходилось проталкиваться сквозь толпу. Тут мы, племянницы, пользовались знакомством: дядя Юра проталкивал нас перед собой. Лекции я конспектировала, потом перечитывала конспекты. Благодаря маме и дяде Юре я поняла, что филология – это интересно и уж совсем не скучно. Уже тогда я понимала, как мне повезло. Какой подарок сделала мне судьба! Подарок на всю жизнь.

Светлана Толстая

Крупницы памяти

Не могу вспомнить точно, когда я впервые увидела Ю.М. Возможно, это случилось весной 1964 года в Москве, когда Ю.М. приезжал договариваться с В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым о проведении летней школы по семиотике в Тарту и, скорее всего, заходил в Институт славяноведения. А может быть, и раньше. Во всяком случае, когда ранним августовским утром 1964 года мы большой московской группой высадились из поезда на вокзале Тарту и Ю.М. встречал нас на перроне с собачкой (может быть, собачка была не в этот раз, а в какой-то другой, но наверняка однажды была), мне казалось, что я уже давно его знала. И его легкая походка, изящная фигура, его галантность, его усы и шевелюра казались хорошо знакомыми. Это был первый симпозиум по семиотике, организованный Ю.М. и его учениками с большим участием московских структуралистов, объединенных вокруг сектора структурной типологии Института славяноведения. Нас повезли на автобусе на спортивную базу Тартуского университета в Кязэрику, где проходил симпозиум, о котором теперь уже так много (и в научном, и в личном плане) написано его участниками.

Дружба сектора структурной типологии с Ю.М. началась после знаменитого и скандального симпозиума по структурному изучению знаковых систем, прошедшего в Москве, в Институте славяноведения, в декабре 1962 года.

Ю.М. в симпозиуме не участвовал, но не мог не заинтересоваться им и весной 1963 года прислал в Москву своего аспиранта Игоря Чернова, и с этого времени связь сектора и близкого круга его друзей и единомышленников с Тарту, с Ю.М. Лотманом, со сборником «Семиотика. Труды по знаковым системам» стала постоянной и продолжалась до самой кончины Ю.М. в октябре 1993 года.

Во многих воспоминаниях о первой встрече москвичей и тартусцев в Кяэрику подчеркивается небывалый научный энтузиазм и особая, открытая и демократичная, человеческая атмосфера, но для нас, молодых московских участников, она была самым естественным продолжением того духа, который царил в секторе структурной типологии Института славяноведения и определялся прежде всего личностью Владимира Николаевича Топорова, первого руководителя сектора, так же как тартуский дух определялся личностью Ю.М. Лотмана¹¹. В Тарту мы встретились с чем-то родным и знакомым нам по Москве.

За первой встречей в Кяэрику последовали долгие годы общения с Ю.М., главным образом в Москве и всего несколько раз в Тарту, и постоянные, хотя и нечастые, почтовые, телефонные или косвенные, через третьих лиц, контакты, связанные с изданием «Семиотики», куда Ю.М. неизменно приглашал нас с Никитой Ильичем Толстым, и несколько раз мы на эти приглашения откликнулись. Часто посредником бывал Б.А. Успенский или позже — В.М. Живов (обычно нас торопили с присылкой обещанных статей и очень редко обращались с какими-то техническими вопросами по готовящимся публикациям).

Второй и последний раз я участвовала (вместе с Н.И. Толстым) в «зимней» конференции в Тарту в феврале 1974 года¹². Память об этой встрече окрашена трагическим ощущением конца — это была не просто последняя «школа», но последняя встреча, на которой присутствовал И.И. Ревзин. Он выступил на заключительном заседании с пламенной речью о научной и культурной миссии московско-тартуской семиотики, ее дальнейших возможностях и перспективах. Но через месяц он скоропостижно скончался. Почти сразу после этого уехал навсегда А.М. Пятигорский. Это были важнейшие фигуры всего семиотического движения. Сборники «Семиотика» продолжали выходить, но ни летних, ни зимних школ больше не было. Эта зимняя поездка запомнилась еще тем, что Ю.М. разрешил нам, московской «молодежи», однажды присутствовать на его лекции тартуским студентам. Это была лекция о Пушкине, и она навсегда осталась в памяти.

Наши встречи с Ю.М. участились в 1970-е и 1980-е годы, когда он стал регулярно приезжать в Москву, в основном зимой, во время студенческих каникул, но иногда и летом, и останавливался обычно у Б.А. Успенского. Ю.М. часто выступал с докладами — на заседаниях академического совета по культуре, в Литературном музее, в Музее изобразительных искусств (на Випперовских чтениях), в Институте славяноведения, в ВИНИТИ, иногда в каких-то странных помещениях, чуть ли не подвальных. Мы старались бывать на его

11 В последнем письме к В.Н. Топорову, продиктованном за два месяца до смерти, Ю.М. Лотман писал о «чувстве глубокой внутренней близости», которое всегда у него возникало при соприкосновениях с миром В.Н. Топорова — «и научным, и человеческим» (*Лотман Ю.М. Письма. 1940—1993 / Сост., подгот. текста и коммент. Б.Ф. Егорова. М., 1997. С. 690*).

12 В «промежуточных» школах, к сожалению, не удалось участвовать из-за рождения и малолетства детей.

докладах; со временем туда стали стекаться толпы слушателей и подчас трудно было найти место. Но эти конференции и выступления были только поводом для приезда Ю.М. Целыми днями он работал в библиотеках или архивах, а по вечерам иногда устраивались встречи — чаще у Успенских на Часовой, иногда у нас на Ордынке, помню еще вечер на Басманной у Оли Терновской.

Вспоминаю встречу у нас на Крещение, вероятно в январе 1975 года. Мы пригласили Успенских (Б.А. и Галю) с Ю.М., как вдруг в назначенный день наша младшая четырехлетняя дочь Фекла сильно разболелась, лежала неподвижно с высокой температурой в своей кровати, и мне, конечно, в такой ситуации нелегко давалась роль хозяйки. Ю.М. сразу заметил мое состояние и решительно сказал: «Пустите меня к ней». Он подсел к девочке и стал читать ей «Сон Татьяны». Он просидел с Феклой довольно долго, и случилось чудо: жар упал, и вскоре ребенок заснул. Другой раз, когда Фекла была уже чуть постарше и ей надоело слушать взрослые разговоры, она забралась под стол и там тихонько сидела со своими игрушками. Очень скоро Ю.М. перебрался к ней, и они увлеченно беседовали под столом, очень довольные друг другом. В отличие от общительной Феклы, наша старшая дочь Марфа никогда не выходила к гостям, забивалась в свой угол и там тихонько занималась своими делами. Однажды во время нашего долгого застолья Марфа, проголодавшись, вышла в кухню чего-нибудь съесть. И вдруг Ю.М. зашел туда и, увидев Марфу, спросил, почему она не сидит со всеми. Марфа отговорила тем, что много уроков. Ю.М. спросил, что именно надо учить. Узнав, что это была биология (земноводные и пресмыкающиеся), Ю.М. сказал: «Я сейчас тебе объясню». И объяснил очень внятно, гораздо лучше, чем в учебнике.

В апреле 1978 года умерла Галя, жена Б.А. Успенского, и это было большим горем для всех друзей этой семьи. На похороны приехала наша близкая польская подруга Эльжбета Янус и на какое-то время осталась в Москве поддерживать Бориса Андреевича и его семью. Часто в это время бывал в Москве и Ю.М. Когда Эле надо было возвращаться в Варшаву, ее пришли проводить на Белорусский вокзал Б.А. Успенский, Н.И. Толстой с детьми и Ю.М. (я же в это время как раз была в Польше в командировке и ожидала Элю с московскими новостями). Мои дочери на всю жизнь запомнили «завет» Ю.М. непременно посмотреть вслед уходящему поезду, на задние красные огоньки и до этого не уходить с перрона. Этот завет неизменно исполняется ими до сих пор, хотя на поездах стали ездить редко и провожать тоже.

Чаще, однако, мы встречались с Ю.М. у Успенских. Особенно запомнилась одна из таких встреч, когда Ю.М. и Никита Ильич, устроившись в кабинете Бориса Андреевича посреди книжного развала, вспоминали войну и фронт. У них было что вспомнить, и их разговор мог бы длиться бесконечно. Но самым увлекательным для них и для слушателей оказался рассказ о вшах на войне. Тут уж они были знатоки и с удовольствием наперебой делились своим опытом. Ю.М., впрочем, об этом написал потом в своих воспоминаниях.

В конце 1970-х годов Н.И. Толстой ездил в Тарту, вероятно читал там какие-то лекции или выступал оппонентом, и в один из вечеров был приглашен к Лотманам. Его провели в кабинет Ю.М., и, пока хозяева собирали на стол, он рассматривал книги на полках. Когда вошел Ю.М., Никита Ильич сказал: «Как приятно видеть знакомый рабочий беспорядок!». На это Ю.М. с деланным возмущением ответил: «Помилуйте, сударь, мы с Зарой Григорьевной с утра убираем, убираем, а Вы говорите — беспорядок!».

В 1979-м — начале 1980-го года Ю.М. и Б.А. Успенский готовили к изданию «Письма русского путешественника» Карамзина в серии «Литературные памятники» и вели долгую, отчаянную и кровопролитную войну с издательством «Наука» за право сохранить в издании некоторые особенности орфографии и пунктуации, значимые для языка и текстов XVIII века¹³. Устав от этой борьбы и не добившись желаемых результатов, они решили, что эти текстологические вопросы заслуживают отдельного серьезного обсуждения на страницах академической печати. Ю.М. и Борис Андреевич предложили Н.И. Толстому совместно написать статью для «Известий АН СССР». Статья была написана, однако ее продвижение в печать оказалось почти столь же мучительным, как и издание текстов Карамзина. В редакции «Известий» были не согласны с позицией авторов; авторы на каком-то этапе были готовы забрать статью и передать ее в «Славяноведение», но в конце концов статья была напечатана в 1984 году в «Известиях», хотя и с приложением «От редакции», где указывалось на дискуссионность выдвигаемых положений¹⁴. Все это время между авторами происходило оживленное общение по вопросам теории текстологии и особенно тактики борьбы с редакторами.

Моя последняя встреча с Ю.М. была и неожиданной, и трагичной. Осенью 1990 года я поехала в Эстонию на конференцию фольклористов, посвященную 90-летию Л. Лооритса, которая проходила сначала в Тарту, а потом в Пярну, где демонстрировались фольклорные и этнографические фильмы. Когда я вернулась в Тарту, чтобы затем выехать в Москву, я узнала о кончине Зары Григорьевны. На следующий день я присутствовала на траурной церемонии в Тартуском университете, где студенты с зажженными свечами стояли на ступенях лестницы и под траурную музыку провожали гроб с телом Зары Григорьевны. Осиротевший Ю.М. стоял неподвижно, поддерживая своих внушек. Я не решилась подойти к нему близко. И только в церкви на отпевании мы обменялись горькими взглядами.

В конце 1992 года, когда наступила совсем другая эпоха, Н.И. Толстой попытался добиться избрания Ю.М. в академики Российской академии наук. Для этого нужно было согласие Ю.М. и какие-то бумаги. Мы позвонили Ю.М. в Тарту, и Н.И. изложил ему свой план действий. Ю.М. благодарил за старания, но никакого энтузиазма к этой идее не проявил. Тем не менее Н.И. начал свои действия¹⁵. Однако скоро ему объяснили, что это невозможно, поскольку Эстония уже другая страна, и «иностранные» ученые принимаются в Академию по другому, особому чину.

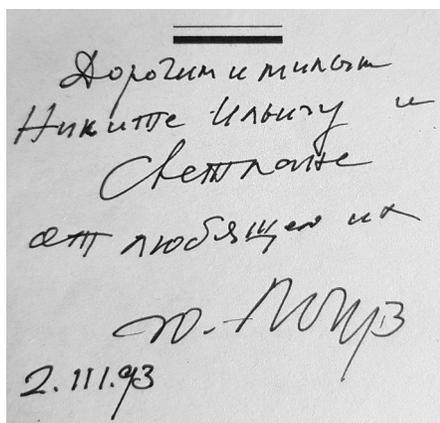
Последнее, что осталось нам на память о Ю.М., — это присланная им весной 1993 года его книжечка «Культура и взрыв», надписанная нам собствен-

13 Обо всей этой эпопее подробно рассказывается в письмах Ю.М. к Б.Ф. Егорову и Б.А. Успенскому. См.: *Лотман Ю.М.* Письма. 1940—1993 / Сост., вступ. статья и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: Языки русской культуры, 1997.

14 См.: *Лотман Ю.М., Толстой Н.И., Успенский Б.А.* Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка.* 1981. Т. 40. № 4. С. 312—323.

15 На предыдущих академических выборах (в 1990 году) Н.И. Толстому и Д.Н. Шмелеву удалось добиться избрания в академики В.Н. Топорова, минуя звание члена-корреспондента. В 1989 году их же стараниями В.Н. Топорову было присвоено звание доктора филологических наук *honoris causa* (до этого он долгие годы оставался всего лишь кандидатом филологических наук).

норучно 2 марта 1993 года, когда уже Ю.М. почти не мог писать своей рукой и диктовал письма своим помощникам. Он написал: «Дорогим и милым Никите Ильичу и Светлане от любящего их Ю. Лотмана» (ил. 7). Все предыдущие его надписи на книгах неизменно были выдержаны в галантном стиле, и первым адресатом значилась Светлана, или Светлана Михайловна, а в данном случае порядок адресатов объяснялся, видимо, тем, что Ю.М. хотел таким косвенным образом поблагодарить Никиту Ильича за его безуспешные хлопоты.

Ил. 7. Инскрипт Ю.М. Лотмана на его книге «Культура и взрыв». Из архива С.М. Толстой.

22 июня 1995 года в Москве, в Библиотеке иностранной литературы, был устроен вечер памяти Ю.М. Лотмана по случаю выхода в свет первого «Лотмановского сборника». Никита Ильич пошел на этот вечер и, вернувшись домой, поставил на стол пригласительный билет с портретом Ю.М. на простой серой бумаге, прислонив его к подножию настольной лампы. Давно уже нет и Никиты Ильича, а этот скромный бумажный портрет стоит на столе до сих пор, уже четверть века. Я только вложила его в прозрачный целлофановый футлярчик, чтобы защитить от пыли и света.

Кирилл Разлогов

Юрий Михайлович, Зара Григорьевна и кино

Шел 1970 год. Только что вышла книга Юрия Михайловича Лотмана «Структура художественного текста». За год до этого я закончил университет, стал научным сотрудником отдела научной обработки иностранного фильмофонда Госфильмофонда СССР и был принят в аспирантуру Института истории искусств. И тут мое увлечение кино и структурализмом закономерно пересеклось с интересами ведущих представителей московско-тартуской семиологической школы. Вячеслав Всеволодович Иванов работал над книгой «Очерки по истории семиотики в СССР», в основном посвященной теоретическим воззрениям и творческой практике Сергея Эйзенштейна, а интерес Юрия Михайловича к кино вскоре найдет воплощение в работе «Семиотика кино и проблемы киноэстетики». Это был пик моды на семиотику и структурализм в СССР, что вскоре